

Здравствуй! Я пишу тебе из ада.
Здесь у нас по воскресеньям снег.
Он идет с улыбкой конокрада,
Радуясь внезапной новизне,
Жеребьячим бархатным копытцем
Оставляя ямки на траве...
Не умыться им и не напиться,
В сердце звон да голос в голове.

Небо с привкусом терафлю

Каждый наш апрель отважно желает знать:
Где-то правда — жизнь, трава, абрикос в цвету,
И жужжит, и светится, рвется весна-красна
В смолистую огнестрельную высоту.

Кутайся в свою Арктику, комп включай,
Парадиз картинок — ветки щекочут нос.
Погоди, а еще июнь рубанет с плеча —
Взметнешься ошпаренным псом, как заведено,

Как у взрослых положено — будто и незнаком,
И не помнишь — а все же, все же нестись назад
В одуванчики, в мамину юбку дурным щенком,
Во вселенское лето — под желтых небес глаза,

Под крыло нахальных бессмертий для всех людей,
Подростем — таблетку такую сварганим мы,
Вечный длитель жизни, и никаких гвоздей,
Электроник форевер — и никакой зимы.

Солидол на ветер, белесый качельный мах,
В старом парке маятник — солнышком метроном

Крутит легкий мальчик, и крестит его впотьмах
Перестынь-трава большим ледяным крестом.

Гоголь-моголь — нет, то желтковый пропал запас,
От избытка сил разбрызган кудлатым псам.
Антивирус качни — нас Крылатов уже не спас
На крови, на спирту, на сперме, продолжи сам.

Знаешь, Костя, стыдно, но я ведь ее люблю —
Эту божью хмарь, эту Арктику честных зол,
Эту невесну, небо с привкусом терафлю,
Отживешь свое — и дальше пошел, пошел.

а у нас коричневый закат
как на киноплёнке
а у нас недюжинный закал
на родной паленке
а у нас четырнадцать шагов
по диагонали
из-за печки да из берегов
выход по спирали

детский сад овсяным киселем
лаской тошнотворной
нас казнил а где-то за селом
говорящий ворон
догони мне некуда идти
я стою за дверью
расскажи что лето впереди
может быть поверю

Стихи, которые нельзя

1

Я боюсь твоего духовника:
Вдруг он скажет — кода, пока-пока,
Мы же связаны даже не на века —
Боже,
Мы едины, но жезлом стальным грозя,
Он укажет, где для тебя стезя,
Ну а мне — любить как нельзя, нельзя,
Только так и можно...
Это солнечный ветер — восторгом — в дом
Стекла вынес и — разноцветным льдом
Пересыпал жизнь — говорю с трудом,
Задыхаясь ветром.

За грудиной — Благовестом — слова:
Облака, руда, никакая тварь,
Никакая утварь, Урал, Москва
Не сильнее света,
Не страшнее святости слова «брат».
Ты меня нашел, ты меня забрал
И за грань безбашенного добра
Уволок с собою.
По-над миром — только нетварный Свет.
Ничего другого у нас и нет.
Ледяными искрами ты согрет —
И моей любовью.

2

Целибатство твое, сепаратство и женатство — уж правде в глаза — не мешает счастливому братству... (Мы такие с тобой тормоза!) Ты меня называешь сестричкой, я лисичка, я хитрая — жуть! На твою фотокарточку в личке я уже полчаса не гляжу. Килобайты твои, километры я легко разметаю хвостом. Разговоры у нас интернетны — и довольно канатны притом. Допиваешь мой утренний кофе, я твою сигариллу смолню и читаю мальчишеский профиль... Братик. Братичек. Костя. Люблю. И могила исправит едва ли — я ныряю в родные глаза. Мы в иную Вселенную свалим, где уже не нужны тормоза. Мы запрыгнем с тобой в электричку, мы уснем голова к голове... И возьмем золотую лисичку в наше братское счастье навек.

3

Живи, дыханье затаив, —
Ну сколько нам его осталось?
Сквозной молитвенный мотив,
А все равно — такая малость...
Такая пропасть бытия,
И только Бога очень много.
Пригоршня бисера твоя
Мою усыпала дорогу
В беде по самые глаза,
Ты знаешь сам, не будем всеу...
Себя доверить небесам —
И пусть Он нас — Себе — рисует!
И заострить карандаши,
И заостриться прежде смерти,
И знать в привычной круговерти
Простой завет: дыши — пиши.

4

Убери тоску, включи фонарик,
Глупостям мечтаться запрети —
Соскребая вековую наледь
Несвободы на моем пути.
Надо сесть и буквы горстями
В мотыльковый выпустить полет...

Что же будет с родиной и с нами —
Кто-то точно знает наперед.
Видишь — он сигналит нам во мраке,
Рассыпая звездные гроши...
Мы с тобой устали, как собаки.
Ничего. Пиши ему, пиши.

5

Тебя нет в сети. Я схожу с ума.
Сутки без пяти я живу сама.
Барахлит наш вайфай небесный.
Перемыть тарелки. Лечить кога.
Сделать сыну гренки. Читать с листа.
Сорок верст я лечу над бездной.

Жизнь моя легка в простоте строки,
В свете огонька от твоей руки —
Не запнуться, не запылиться.
И в лучах икон, и в мытье окон —
Колокольный стон через сто сторон,
Петь — Ему. О тебе — молиться.

И смеются зеленою фонари,
Раскачалось лето... Себе не ври —
Что там лето, когда — таблетку
Я желаю крохотную одну
На экране раной, зеленкой, ну
Где ты?
Где ты?
Где ты...

Скажи мне, Иов

Душа была тончайшей выделки,
И жил на диво хорошо...
Скажи мне, Иов, как ты выдержал,
Как морем слез не изошел?

Звонят воскресным гамом сталинки,
В кино торопится народ...
Как пережить богооставленность,
И горлом — кровь, и воем — рот?

С отчаяньем мяча футбольного
Соседских детушек в пыли
Не сдохнуть как в любви и боли и
Среди обугленной земли,

Средь опрокинутой тотальности
Ушедших из-под ног небес —
Скажи мне, Иов, что достанется
Терять любимых — как тебе —

Достанется любому первому
В строю счастливых дураков,
Разлукой-сукой, смертью-стервою
Навылет пасть среди волков!..

...И смотрит он сквозь пряди русые —
Солдат, архангел и пиит.
И нету в мире выше музыки.
И только форточка скрипит.

Ближе к титрам

И станет лень, и станет все равно,
Безветренно, беззлобно, безучастно...
Солдатик в черно-белое кино
Вернулся в день военного зачатья.

И, зная каждый выстрел наперед,
Закурит на балконе и взлетит он —
Герой как есть, а значит — не умрет!..
Хотя умрет, конечно, ближе к титрам.

Обнуление

1

Галактика Голгоф разодрана по швам.
Обратные пути — такое, брат, дерьмо!
Бог сохраняет все. Храни тебя, Москва.
Все будет снег да снег, все сложится само.

Дорожные стихи невинны чепухой.
Что, кроме чепухи, отложится в веках?
Молчится в черный чай, в нем правды никакой,
И только силуэт знакомый в облаках.

Соседнее купе курочит детский визг:
Картошки не хочу! Нет, деточка, поешь...
Я строчкой проявлюсь, а ты живи, живи,
Незримых амбразур собой латая брешь.

Тут мне один мужик на станции сказал,
Что встретимся в Москве, он будет в феврале,
И засверкал в ночи татарственный оскал,
Всю землю заметет, чтоб свечка на столе.

Не срок, скажи, не срок! Куда еще мести —
Снег носим при себе, как сердце и кадык.
Божественный спецназ — сурком на все лады.
Ожившая Суок, Дюймовочкой лети...

2

В Барабино дождь. Мы проедем с тобою Барабино.
Тоскливо — а то ж. Деревянные рельсы навзлет.
По насыпи наскоро поезд рисует царапины,
Как будто ботан нехорощее слово орет.
Не место, не время, не нам, отвернуться и в книжечку.
Не то паровозная глушь и теплушки в грязи.
Послушная ложь от Находки до самого Нижнего,
И дальше до выцветших лун...
Перекур, тормози.
Моя колокольная дурь улыбается ласково,
Дворняга, не знавшая сытости, смотрит травой
В ладонь мою, в небо такое же точно глазастое,
А небо исходит стихом и войной мировой.

3

Поэты с похмелья нежны, как антенны на утро
Большого дождя, омывавшего крыши всю ночь.
Бесстыдны, бессонны, вернее — чисты беспробудно,
Железный излом, подключичный невидимый нож.
И слишком отчетливо чувуют страну под собою,
Эфирное горе молитвенным эхом гудя,
И всё обреченно живое от сбоя до сбоя
С собою уводят в пучину большого дождя.
Послушай, а где зажигалка, неужто промокла?
Молчим неразрывно и остро, как после всего.
Патетика еле видна сквозь потекшие стекла,
Но с нами смертельной свободы всегда торжество.

Я веселую тайну сегодня во сне углядела:
лето кончится летом, уйдя в неземные пределы!
Нет, ты, верно, не понял: оно и продолжится летом —
или смертью... Не будем об этом. Но только об этом
и звенят колокольню иерусалимские дети,
запредельно легко эллипсоидным солнцем играя,
золотою листвою молитвенно нас укрывая —
о полете, о свете, о смерти, о лете, о лете...

Языческий лось

Избавляться от лишнего, лишь бы дышалось —
Не бежалось, не мнилось, но просто жилось,
Как слепая пчела забывает про жало,
Как шагает в валежник языческий лось —
Силуэтом средь веточек искренне-голых...
Он и сам этот воздух, кора и смола,
И забвенье, и ветры, и скалы, и пчелы,
И снежинка, летящая мимо чела.

Белый Клык

Люби того, с кем хорошо молчать
И падать в неминуемую осень,
Как холодок бездверного ключа
Под языком встречать многоголосье,
В межзубьях остывающей скалы
Очнуться, ощущая местом рая
Главу, где человеку Белый Клык
Главу под мышку сунет, замирая...
А осень на единственном гвозде
Висит над горизонтом, искушая
Картиной, намалеванной в беде —
Бесстрашная, бесстыдная, большая.

Все будет лучше, чем я думаю.
Все будет бережней и чище.
Ветра весенние придунули
Тебя, мой лучший из мальчишек.

Огни залетные зажгли меня —
Тебе, чтоб грелся и светился.
Июнь оставил нам по имени —
И на трамвае укатился.

В ладонях лето засекречено.
Кораблик — перышко воронье...
А осень входит незамеченной
И поджидает на перроне.

Когда звенит натянутый сентябрь,
Когда колени согнуты умело,
Крути колки, колун мирским сетям,
Чтоб лето никогда не надоело.
Какая дурь — цветная красота,
Звенит вотще да тужится за летом,
За океан, где все опять с листа...
Оставь ее лирическим поэтам,
Закрой глаза и выкорми с руки
Речную лань в излучине рябины,
И у виска подкручивай колки,
К зиме дрова — да крылышки за спину.

Бритвенные ко

переметная сума
перелетное сердечко
перерезана уздечка
вот такое синема

скачут бритвенные ко
низом камешки мелькают
в кадре птица облака и
так легко и высоко

где ты девочка жила
с кем ты милая молчала
на экране все сначала
купола да купола

Из сентября

1

У меня есть лазерный прицел.
Я во сне сбиваю самолеты.
У меня улетная работа
С мертвой синей точкой на конце.

А наутро равнодушный смог
Застилает заспанное солнце
И саднит вчерашней заусеницей
С вечера забытое письмо.

В нем не самолеты — светляки
Длят такое детство неземное,
Что сама становишься войною,
От любви сгорая и тоски.

2

горным воздухом нечетким
стыла песенка у рта
богородичные четки
так и плакали с куста

человечье изувечье
перегаром расползлось
поперек дороги млечной
слишком шпалы слишком злость

кто ты камушком помечен
шпалы шпалы звонкий рельс
с рюкзаком тревог заплечных
запоздалый эдельвейс

где ты с теми или с теми
темя в атомной золе
богородичное время
наступило на земле

3

из сентября чересполосица
про нас проносится проносится
саднит простудно переносица
стихи которые нельзя

нелепо дико но проверено
по шпалам чахнешь неуверенно
а жить доверено где ветрено
где еле держимся скользя

где я лечу личинкой листиком
где я шепчу живые истины
где сны неистовы и искренни
как неуместный пубертат

где ветер спит счастливым мальчиком
где сроки все переназначены
и столько сказки нерастраченной
и непонятно ни черта

4

хорошо когда война
отступает то и дело
хорошо когда пределы
обозначены извне
только небо не стена
не окошко запотело
на раз-два тебя разделило
на войне как на войне

5

А где-то есть лесная тишь —
Все то же, только без домов.
И только кажется, что спишь —
Летишь, летишь
Домой, домой.

Долой уже не помню что,
Глаголом — птицы и глаза,
Мое кленовое пальто,
Твоя вчерашняя гроза...

Все свет, мой свет.
В траве сырой
Дождись на перекате лет
Нетварной тихости лесной...
И дождь ночной. И смерти нет.